

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

ЗЕЛЕНАЯ ГОРА.

Москва.—1918.

1961, 1960

36944

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕЛТИЗА

74

М 222

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

М 222

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

ЗЕЛЕНЫЯ ГОРЫ.

2-е издanie редакціи журнала
„ЮНАЯ РОССІЯ“.
Мосява, Б. Молчановка, домъ № 18.

МОСКВА.

Типографія Авд. О-ва „АНОНСЪ“, Ермолаев. пер., д. 26.
1918.

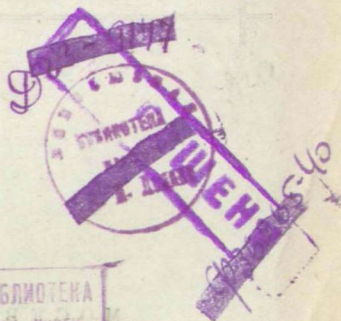
БИБЛИОТЕКА ДЕТСКОЙ И ЮВЕНИЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д. Н. Мамин-Сибиряк

ЗЕЛЕНЫЙ ЛОБЫ

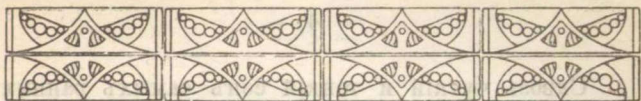
36944

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ И ЮВЕНИЛЬНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Зеленые горы.

I.

Милые, зеленые горы!.. Когда мнѣ дѣлается грустно, я уношусь мыслью въ родныя зеленые горы, мнѣ начинаетъ казаться, что и небо тамъ выше и яснѣе, и люди такіе добрые, и самъ я дѣлаюсь лучше. Да, я опять хожу по этимъ горамъ, поднимаюсь на каменистыя кручи, спускаюсь въ глубокіе лога, подолгу сижу около горныхъ ключиковъ, дышу чуднымъ горнымъ воздухомъ, напоеннымъ ароматами горныхъ травъ и цвѣтовъ, и безъ конца слушаю, что шепчетъ столѣтній лѣсъ... Мнѣ кажется, что со мной вмѣстѣ по зеленымъ горамъ ходитъ тѣнь дорогого когда-то человѣка, память о которомъ неразрывно связана вотъ съ этими зелеными горами, гдѣ онъ являлся единственнымъ хозяиномъ. Безъ этого страннаго человека въ горахъ чего-то недостаетъ, и я иногда на охотѣ невольно вздрагивалъ и пугался, когда слышался его голосъ и осторожные, крадущіеся шаги.

Сквозь чуткій и тонкій сонъ самыхъ раннихъ дѣтскихъ воспоминаній я вижу тощую, сгорбленную фигуру, которая на правомъ клиросѣ нашей маленькой деревянной заводской церкви каждое воскресенье читала совершенно непонятнымъ бормоткомъ и пѣла дребезжавшимъ старческимъ голосомъ. Это былъ самый ветхозавѣтный дьячокъ, Николай Матвѣичъ. Мочального цвѣта жиденькіе волосы были заплетены въ двѣ тонкія косички и запрятаны за высокій воротникъ праздничнаго казинетоваго подрясника; такого же цвѣта усы и какая-то чахлая, точно заморенная бородка, русскій носъ картошкой, маленькіе сѣрые глаза съ крошечнымъ зрачкомъ, тонкая загорѣлая шея, точно разграфленная глубокими морщинами, круглые очки въ мѣдной оправѣ, берестяная табакерка въ карманѣ, легкое покашливанье и несоразмѣрно тяжелые шаги, благодаря праздничнымъ новымъ сапогамъ,—все это составляло одно цѣлое. Заскоруживъ руки съ узловатыми, скрюченными пальцами умѣло и ловко держали топоръ и съ трудомъ перелистывали закапанные воскомъ страницы богослужебныхъ книгъ, что меня постоянно удивляло.

Это былъ, такъ сказать, праздничный портретъ Николая Матвѣича, какъ и его праздничное бормотанье на клиросѣ.

— Точно глухаръ бормочетъ на лиственницѣ,—говорилъ охотникъ Емелька, закадычный другъ и пріятель Николай Матвѣича.

Служба въ церкви кончалась. Народъ расходил-

ея. Я сажился къ окну и ждалъ, когда послѣдними изъ церкви выйдутъ охотникъ Емелька, дьячокъ Матвѣичъ и еще кто-нибудь изъ стариковъ. Они выходили степенно и, не торопясь, пересѣкали площадь, минуя базаръ. Нашъ кучеръ Яковъ тоже ждалъ этого момента и съ хохлацкимъ юморомъ говорилъ:

— Эге, Матвѣичъ втикае до шинка...

Мнѣ было каждый разъ обидно за Матвѣича, потому что всѣ знали, куда онъ идетъ, и подшучивали надъ старикомъ. Навѣрно, и ему совѣстно идти черезъ площадь, и онъ дѣлалъ такой видъ, какъ-будто идетъ куда-нибудь по дѣлу. У насъ въ заводѣ былъ всего одинъ кабакъ, и это таинственное мѣсто мнѣ казалось вмѣстилищемъ всякой гадости. Дальше я рѣшительно не могъ себѣ представить Матвѣича именно въ кабакъ: сейчасъ быть на клиросѣ, читалъ и пѣлъ божественное, и сейчасъ же кабакъ... Мнѣ дѣлалось жаль старика, и хотѣлось крикнуть: «Николай Матвѣичъ, идите домой чай пить... Никто не будетъ надъ вами смѣяться». Черезъ нѣкоторое время Матвѣичъ возвращался домой, но уже другой дорогой, задами огородовъ. Онъ, шель сгорбившись, слегка колеблющейся походкой, дѣлая невѣрные жесты одной рукой, а другой поддерживая расхоловшіяся полы своего подрясника. На ходу онъ что-то бормоталъ себѣ подъ носъ и снималъ мѣховую оленью шапку собственной работы, въ которой ходилъ и зиму, и лѣто. За нимъ разбитой походкой обыкновенно

плелся Емелька, тоже размахивавшій руками и бормотавшій. Оба неразлучныхъ друга производили впечатлѣніе только что отравленныхъ людей, что было уже совсѣмъ не смѣшно.

Другое воспоминаніе о Николаѣ Матвѣичѣ связано неразрывно съ нашими годовыми семейными праздниками, когда онъ являлся гостемъ, садился куда-нибудь въ дальній уголъ и молчалъ. Съѣдался именинный пирогъ съ рыбой; граненый графинъ съ водкой пустѣлъ и наполнялся; въ комнатѣ поднимался одушевленный говоръ, а Николай Матвѣичъ все отсиживался въ своемъ уголкѣ, не вступая въ общій разговоръ. Но стоило кому-нибудь изъ заводскихъ служащихъ поднять разговоры объ охотѣ, какъ вся дьячковская застѣнчивость исчезала, и Николай Матвѣичъ выступалъ на сцену, сразу дѣлаясь другимъ человѣкомъ. Онъ былъ страстный охотникъ и прекрасный рассказчикъ. Конечно, имѣли свое значеніе и выпитая водка, и именинный пирогъ.

— Ну-ка, Николай Матвѣичъ, расскажи про своихъ оленшковъ!—подзадоривалъ кто-нибудь изъ гостей.

Олешками Николай Матвѣичъ называлъ оленей, и охота за ними была его страстью. Рассказывалъ онъ разные эпизоды изъ своей охоты, мастерски изображая все въ лицахъ. Обыкновенно онъ выходилъ на средину комнаты и давалъ настоящее представленіе. Забитаго дьячковской нуждой човѣка—какъ не бывало, а оставался истинный лю-

битель охоты и артистъ. Со стороны было смѣшно смотрѣть, какъ онъ дѣлалъ прыжки, подбирая полы своего праздничнаго подрясника, и разными голосами передавалъ, какъ кричить олешокъ-быкъ, или блеетъ дикая коза. Всѣ хохотали обыкновенно до слезъ, наслаждаясь даровымъ представленіемъ, а мнѣ было жаль старика, не замѣчавшаго, что смѣются не надъ его рассказомъ, а надъ нимъ самимъ, и обидно за него. Такъ и хотѣлось сказать ему, какъ во время его путешествій изъ церкви въ кабакъ:—«Николай Матвѣичъ, не надо: они смѣются надъ вами. Вѣдь вы совсѣмъ не такой человѣкъ»...

Впослѣдствіи мнѣ еще много разъ приходилось обижаться за Николая Матвѣича, когда уже его не было на свѣтѣ, и когда я встрѣчалъ смѣхотворное описаніе русскаго дьячка гдѣ-нибудь у любимаго автора. Русская барская литература относилась всегда къ дьячку съ самымъ обиднымъ презрѣніемъ, какъ къ чему-то до послѣдней степени неприличному, жалкому и ненужному, чему не должно быть мѣста на земномъ шарѣ. Эта литература выводила добродѣтельныхъ нянюшекъ, серьезныхъ дворецкихъ, вѣрныхъ старыхъ слугъ и добрыхъ мужичковъ, а дьячокъ являлся только въ роли смѣхотворнаго ничтожества. Это былъ даже не человѣкъ, а такъ, какая-то плѣсень, прицѣпившаяся къ выѣ благороднаго во всѣхъ отношеніяхъ остальнаго человѣчества. Дьячокъ по преимуществу выводился дармоѣдомъ, пьяницей и

лишеннымъ всякаго человѣческаго достоинства.

Эти мысли о «дьячкѣ» интересовали меня съ самаго ранняго дѣтства, потому что именно здѣсь чувствовалось поруганное человѣческое достоинство. Почему не смѣются и не вышучиваютъ самаго маленькаго заводскаго служителя, который рѣшительно ничѣмъ не лучше дьячка, за исключеніемъ того, что не носить смѣшныхъ косицъ и подрясника? Про рабочихъ на заводѣ и говорить нечего. Они являлись рядомъ съ Николаемъ Матвѣичемъ прямо аристократами. Работа на фабрикѣ, въ куренѣ, на промыслахъ и по перевозкѣ разныхъ заводскихъ матеріаловъ оплачивалась гораздо лучше, чѣмъ дьячковскій трудъ. За разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній я обращался къ нашему кучеру Якову, типичному хохлу *), который съ хохлацкимъ юморомъ объяснилъ:

— А нѣхай ему, дьячугѣ... Винъ, чай, пье.

Яковъ и самъ былъ не прочь выпить «горилки», но это не ставилось ему въ вину, какъ дьячку Николаю Матвѣичу, да и самъ онъ не стѣснялся своей слабости.

Мой отецъ, человѣкъ самой строгой жизни, не бравшій капли вина въ ротъ, относился къ Николаю Матвѣичу съ извѣстнымъ уваженіемъ, и я разъ слышалъ, какъ онъ сказалъ:

— Николай Матвѣичъ—настоящій философъ...

---

*) На демидовскихъ уральскихъ заводахъ много хохловъ, переведенныхъ изъ Малороссіи.

Когда я просилъ отца объяснить это слово, онъ уклончиво замѣтилъ:

— Ты еще малъ... Когда будешь больше, поймешь.

II.

Ростъ дѣтскаго міра ограниченъ своими географическими предѣлами. Помню, какъ до шести лѣтъ этотъ міръ заключался по преимуществу въ стѣнахъ нашего деревенскаго дома, при чемъ зимой мы сидѣли въ комнатахъ почти безвыходно, а лѣтомъ играли въ садикѣ, а «на улицу», которая у насъ замѣнялась большою заводскою площадью, насъ отпускали погулять только подъ строгимъ надзоромъ няни, что уже составляло для насъ личное оскорбленіе. Уличная дѣтвора, проводившая все время подъ открытымъ небомъ, сопровождала насъ самыми обидными замѣчаніями и остроумными кличками. Мы, въ качествѣ благовоспитанныхъ дѣтей, сами боялись этихъ уличныхъ сорванцовъ и сторонились ихъ.

Слѣдующій географическій моментъ наступилъ тогда, когда нянька была отставлена, и въ наше распоряженіе отданы были дворъ, садъ и огородъ, что вмѣстѣ составляло довольно большое пространство, особенно лѣтомъ, при чемъ каждое время года приносило свои дѣтскія удовольствія. Съ ран-

ней весны у отца начиналась работа въ маленькой тепличкѣ; потомъ шли приготовленія парниковъ и приготовленіе большого огорода. Распускались рябины, черемухи и смородина въ нашемъ садикѣ, гдѣ у насъ были свои любимцы, какъ піонъ, принесенный Николаемъ Матвѣичемъ съ горъ. Поуральски піонъ называется «марьинымъ корнемъ». Я особенно любилъ этотъ цвѣтокъ, который мнѣ казался какимъ-то таинственнымъ гостемъ, и я не могъ себѣ представить, чтобы въ простомъ лѣсу росли такіе пышные цвѣты. Николай Матвѣичъ являлся въ роли волшебника, похищавшаго таинственную красоту этихъ зеленыхъ горъ, которыя отлично были видны изъ оконъ нашей дѣтской.

— Ихъ тамъ много, Николай Матвѣичъ, такихъ цвѣтовъ?—приставалъ я къ волшебнику.

— Довольно...

Потомъ Николай Матвѣичъ приносилъ съ горъ прекрасныя пестрыя лиліи, которыя, обыкновенно, разводятся въ оранжереяхъ. Онѣ на Уралѣ называются «саранками». Ихъ луковицы ѣдятъ.

— Въ саду саранка не будетъ расти,—объяснялъ Николай Матвѣичъ.—Она свою землю любитъ...

— И другихъ цвѣтовъ въ горахъ много?

— Много... Всякіе цвѣты въ горахъ растутъ.

Благодаря Николаю Матвѣичу, я выучилъ названіе всѣхъ горъ, которыя были видны отъ насъ. Ближайшая гора, тянувшаяся невысокой грядкой, называлась Пугиной горой, за ней зеленой островерхой шапкой поднималась красавица Шулъпиха,

вправо отъ нея виднѣлось Сѣдло, еще правѣе—Осиновая и т. д. Изъ-за этихъ горъ чуть-чуть синѣла вершина самой высокой горы—Бѣлой.

— Ишь, какъ лобъ-то высунула,—какъ то особенно любовно говорилъ Николай Матвѣичъ про послѣднюю.

Бѣлая гора была слабостью Николая Матвѣича, потому что подъ ней онъ билъ своихъ олешекъ, а на Осиновой горѣ онъ выстроилъ себѣ балаганъ, гдѣ зимой жилъ по цѣлымъ недѣлямъ. Всѣ эти свѣдѣнія я запоминалъ съ жадностью, потому что въ нихъ открывался невѣдомый, таинственный горный міръ. Оттуда Николай Матвѣичъ приносилъ всякую дичь: глухарей, тетеревовъ-косачей, рябчиковъ; тамъ же по зимамъ въ горныхъ быстрыхъ рѣчонкахъ ловилъ налимовъ. Налимы особенно занимали насъ. Николай Матвѣичъ приносилъ ихъ обыкновенно въ мѣшкѣ. Они замерзали, свернувшись кольцомъ. Интересъ заключался въ томъ, что стоило высыпать эти черные кренделя, ломавшіеся, какъ сухарь, на столъ въ кухнѣ и дать согрѣться, какъ они начинали шевелиться и оживали. Это былъ поразительный эффектъ. Въ Сибири любятъ дѣлать пироги, запекая въ тѣстѣ мороженую рыбу цѣликомъ, что придавало пирогу особенную сочность, и мороженые налимы, согрѣвшись въ печи, выползали иногда изъ пирога.

Вообще, Николай Матвѣичъ для меня являлся неизсякаемымъ источникомъ всевозможныхъ знаній, какихъ нельзя было добыть ни изъ одной

умной книжки. Но было одно обстоятельство, которое просто отравляло намъ жизнь. Онъ жилъ рядомъ съ нами. Насъ раздѣлялъ только огорождъ. Выйдешь, бывало, въ свой садикъ и вдругъ слышишь протяжный, жалобный вой, который просто хваталъ за душу. Это выла несчастная собака, которая сидѣла на привязи въ подклѣти; а выла она оттого, что Николай Матвѣичъ не считалъ нужнымъ ее кормить, какъ слѣдуетъ.

— Чутье потерять, если ее кормить до отвала, — коротко объяснялъ онъ. — На охотѣ не будетъ работать...

Подклѣтъ находилась подъ комнатою, гдѣ жилъ Николай Матвѣичъ, и какъ онъ могъ выносить этотъ голодный вой по цѣлымъ днямъ, для меня и до сихъ поръ остается неразрѣшимой загадкой.

Эта вѣчно вывшая охотничья собака послужила къ тому, что я началъ потихоньку отъ хозяина прикармливать ее. Соберешь разные кухонные остатки — кости, корки и разные объѣдки, укараулишь, когда Николая Матвѣича нѣтъ дома, и стрѣлой мчишься къ несчастному голодному псу.

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ объ уральской промысловой собакѣ, которая является немаловажнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Типъ охотничьей промысловой собаки вырабатывался вѣками, и на Уралѣ славятся, такъ называемыя, «вогулки». Вогулы — вымирающее племя инородцевъ, жалкіе остатки котораго сохранились только въ самыхъ

глухихъ дебряхъ сѣвернаго Урала. Они исключительно занимаются звѣроловнымъ промысломъ, и отъ нихъ перешла къ русскимъ промышленникамъ собака-вогулка. По наружности это—обыкновенная дворняга, съ загнутымъ на спину хвостомъ, но опытный глазъ сразу оцѣнитъ породистую голову съ большими глазами и острой мордой, сильную грудь и породистыя, тонкія ноги. «Рубашка», т.-е. масть—пестрая, причеиъ черный, бѣлый и желтый цвѣта перемѣшаны у каждой по-своему. Благодаря этой масти, большинство вогулокъ носятъ одну кличку: Лыско. Такіе охотники, какъ Николай Матвѣичъ и Емелька, особенно цѣнили тѣхъ собакъ, у которыхъ на бровяхъ были желтыя круглыя пятна.

— Это вторые глаза, какъ у насъ очки,—авторитетно объяснялъ Николай Матвѣичъ.—Она ими ночью смотритъ...

Разъ это говорилъ Николай Матвѣичъ, то я, конечно, не могъ не вѣрить. Главныя достоинства такой вогулки на охотѣ неоцѣнимы: она идетъ на медвѣдя, ищетъ неутомимо бѣлку, куницу, соболя, лисицу, облаиваетъ осенью глухаря, когда онъ садится кормиться на закишную отъ перваго инея лиственницу, выслѣживаетъ дикихъ козъ и оленей,—однимъ словомъ, охотникъ безъ нея, какъ безъ рукъ. Вогулка не умѣетъ дѣлать только одного—стойки, какъ настоящія охотничьи собаки. Вторымъ недостаткомъ такой промысловой собаки было то, что она гонялась за зайцами и подь-

ѣдала иногда раненую птицу; но и этотъ недостатокъ легко объясняется жестокой системой воспитанія голодомъ. Да, еще одно замѣчаніе: вогулки рѣзко отличаются отъ дворняги необыкновенной чистотой своей шерсти, точно ихъ мыли каждый день.

У Николая Матвѣича перебивало много такихъ Лысокъ, и всѣ онѣ походили одна на другую, какъ монеты одного чекана, и всѣ влачили самое жалкое существованіе.

Разъ я попался Николаю Матвѣичу на самомъ мѣстѣ преступленія. Принесъ Лыскѣ костей и засидѣлся, любуясь, съ какимъ аппетитомъ она ѣсть.

— Пса портишь, малецъ... — послышался за мной голосъ хозяина.

Я порядочно растерялся, но все-таки проговорилъ:

— А если она голодна?

— На то онъ песъ, чтобы голодать...

Благодаря собакѣ, я познакомился съ Николаемъ Матвѣичемъ ближе.

III.

Квартира Николая Матвѣича помѣщалась въ концѣ длиннаго деревяннаго флигеля, отведеннаго заводоуправленіемъ для помѣщенія церковнаго причта. Николай Матвѣичъ занималъ дальній конецъ этого флигеля, выходившій окнами на востокъ,

т.-е. къ горамъ. Собственно, квартира состояла изъ одной большой комнаты, раздѣленной деревянными переборками на три: передняя—она же и кабинетъ, и мастерская хозяина;—изъ нея входъ въ гостиную, и въ кухню, гдѣ, собственно, проходила жизнь всей семьи. Обстановка была самая бѣдная, вѣрнѣе,—никакой обстановки. Въ кухнѣ около стѣнъ шли лавки, какъ въ крестьянскихъ избахъ, и вся мебель состояла изъ одного деревяннаго стола; въ кабинетѣ хозяина была тоже лавка, только передвижная, и самодѣльный стулъ, въ угловой комнатѣ деревянный диванчикъ и нѣсколько стульевъ.

Въ этомъ помѣщеніи ютилась довольно большая семья: жена Николая Матвѣича, которую онъ, выпивши, называлъ «матерешкой», два сына и двѣ дочери. Были еще двое старшихъ дѣтей, но они уже были пристроены,—старшій сынъ служилъ дьякономъ, а старшая дочь была замужемъ. Изъ оставшихся старшій сынъ Митюшка работалъ на заводѣ, а младшій, котораго отецъ называлъ: «Кулкой», былъ моего возраста, и мы скоро подружились. Дома Николай Матвѣичъ держалъ себя почти неприступно и рѣдко съ кѣмъ разговаривалъ. Всѣ понимали его съ одного взгляда. Въ случаѣ словесныхъ объясненій онъ относился ко всѣмъ иронически, какъ къ низшимъ существамъ. Дома у себя онъ точно выкупалъ свое вѣчное дьячковское униженіе. Особенно доставалось въ этомъ случаѣ безотвѣтной «матерешкѣ», которая скрывалась и пряталась отъ грознаго супруга, какъ курица. Я лично

какъ-то по-дѣтски, безучастно относился къ этой семейной драмѣ, да и сами дѣйствующія лица настолько привыкли къ ней, что едва ли могли представить себѣ что-нибудь болѣе подходящее и болѣе цѣлесообразное. Дьячковская нужда одинаково угнетала всѣхъ и приводила всѣхъ къ одному знаменателю.

А мнѣ даже нравилась эта нужда, и я завидовалъ многому въ обстановкѣ дьячковскаго ежедневнаго обихода. Напримѣръ, что могло быть лучше сидѣнья по вечерамъ «съ лучиной»? Сальные свѣчи, которыя отпускались заводоуправленіемъ, составляли роскошь, а осенніе и зимніе вечера такъ длинны. Свѣчи замѣнялись лучиной; и я былъ въ восторгѣ, когда меня отпускали къ Николаю Матвѣичу посидѣть «съ лучиной». Вся обстановка этого сидѣнія была необыкновенно заманчива. Ставился, во-первыхъ, «свѣтецъ», т.-е. деревянное корытце на деревянныхъ ножкахъ и съ деревяннымъ столбикомъ, въ которомъ была вбита для держанія лучины желѣзная развилашка. Въ корытце наливалась вода, куда и падали нагорѣвшіе отъ лучины угли. Зажженная свѣжая лучина сначала горѣла ярко, потомъ появлялись красные, длинные, загибавшіеся угли и пускали ѣдкую струю синеватаго дыма. По мѣрѣ сгоранія лучины дымъ увеличивался и наполнялъ всю комнату удушающей пеленой. Всѣ начинали протирать глаза, чихали, сморкались. Николай Матвѣичъ обыкновенно сидѣлъ въ сторонкѣ и молча плелъ рыболовные сѣти,

главнымъ образомъ—излюбленныя свои мережки. Мы, дѣти, больше всего заняты были лучиной, которую нужно было періодически мѣнять, и я отъ души завидовалъ Кулкѣ, который сидѣлъ съ лучиной каждый вечеръ, а я могъ получать это удовольствіе только изрѣдка. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, какъ сидѣть и смотрѣть на горящую лучину, обламывать тонкіе красные угольки и бросать ихъ въ воду и задышаться отъ ѣдкаго березоваго дыма!

— Не нравится моя лучина? — подшучиваетъ, бывало, Николай Матвѣичъ. — А вотъ у меня въ балаганѣ, на Осиновой, еще лучше... Тамъ я, какъ старый грибъ, на сковородкѣ пекусь. Вотъ тамъ настоящій дымъ...

Николай Матвѣичъ необыкновенно хорошо улыбался, при чемъ его лицо дѣлалось совершенно другимъ. При колеблющемся невѣрномъ освѣщеніи то потухавшей, то ярко вспыхивавшей лучины онъ казался мнѣ какимъ-то сказочнымъ человѣкомъ, какихъ художники рисуютъ въ дѣтскихъ книжкахъ. Жаль, что «матерешка» не подходила къ роли жены стараго волшебника, а то выходило бы совсѣмъ, какъ въ сказкѣ.

Домашній костюмъ Николая Матвѣича подходилъ къ этому дѣтскому представленію. Парадный подрясникъ бережно вѣшался въ уголокъ, а дома старикъ ходилъ попросту: пестрядинные штаны, запятанные за голенища громадныхъ мужицкихъ сапогъ, рубаха изъ грубой китайской выбойки

кирпичнаго цвѣта, съ черными горошинками, а поверхъ—короткая курточка изъ толстаго крестьянскаго сукна или изъ шкурки молодого оленя. Въ мастерской стоялъ самодѣльный верстакъ, надъ нимъ самодѣльный шкафикъ съ принадлежностями охоты и рыболовства, а надъ шкафикомъ ружье, лыжи, обтянутыя оленьей кожей, и свернутыя сѣти. Николай Матвѣичъ для домашняго обихода дѣлалъ рѣшительно все самъ, до ружейнаго ложа включительно, и казался мнѣ гораздо искуснѣе Робинзона Крузо, почему я его и не сравнивалъ съ этимъ любимцемъ всѣхъ дѣтей. Свои курточки и шапки Николай Матвѣичъ шилъ самъ, не доверяя «матерешкѣ», и по части выдѣлки мѣха не имѣлъ соперниковъ,—никто не умѣлъ такъ выдѣлывать оленій мѣхъ, бѣлку, куницу, лисицу, и т. п. Однимъ словомъ, человѣкъ, который все зналъ, могъ и умѣлъ. Увидать безъ дѣла Николая Матвѣича мнѣ не случилось. Старикъ всегда былъ чѣмъ-нибудь занятъ, и если не было домашней работы, онъ на дворѣ рубилъ дрова про запасъ, копалъ гряды, ухаживалъ за своею лошадью, сердитой рыжей кобылой, съ какими-то необыкновенными бѣлыми глазами, точно сдѣланными изъ фарфора, какъ у куколь.

Я убѣжденъ, что Николай Матвѣичъ не промѣнялъ бы своей передней ни на какія блага міра. Дѣло въ томъ, что изъ единственнаго окна этой комнаты открывался чудный видъ на родныя зеленныя горы.

— О! Кирюшкинъ пригорокъ!—показывалъ старикъ.—О! Бѣлая, Шульпиха, Сѣдло... Царство!..

Какъ всѣ охотники, Николай Матвѣичъ отличался суевѣріемъ. На охоту или рыбную ловлю онъ обыкновенно выходилъ самымъ раннимъ утромъ на брезгу, т.-е. когда только начиналъ брезжить утренній свѣтъ. Дѣлалось это съ той цѣлью, чтобы,—Боже сохрани,—какъ-нибудь баба не перешла дороги. Въ послѣднемъ случаѣ ничего не оставалось, какъ вернуться домой, потому что все равно удачи не будетъ. «Баба», по мнѣнію Николая Матвѣича, была самое вредное существо.

— Ужъ она все дѣло испортить,—подтверждалъ Емелька въ качествѣ опытнаго человѣка.—Со мной сколько разовъ такъ-то бывало: перейдетъ дорогу,—и шабашъ. Идешь съ ружьемъ, а она, какъ овца, и перебѣжитъ дорогу.

Ружье въ глазахъ Николая Матвѣича имѣло какое-то таинственное значеніе, и его ничего не стоило испортить однимъ взглядомъ, а того больше—неумѣстнымъ словомъ. Все хорошо стрѣляетъ, а тутъ и пошло мимо да мимо. Ружье у старика было, дѣйствительно, рѣдкостное, кремневое, изъ старинныхъ гладкоствольныхъ сибирскихъ винтовокъ. Изъ него можно было стрѣлять одинаково и пулей, и дробью, а иногда—тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Понятно, что я относился къ этому таинственному орудію съ величайшимъ уваженіемъ и не смѣлъ прикасаться руками. Во всемъ домашнемъ обиходѣ Николая Матвѣича ружье было самою до-

рогою вещью, орудіемъ пропитанія и предметомъ удовольствія. У этого ружья былъ свой собственный характеръ, которымъ оно отличалось отъ всѣхъ остальныхъ ружей на свѣтѣ. Я былъ убѣжденъ, что другого такого ружья и не могло быть.

IV.

Мнѣ минуло уже десять лѣтъ. Въ комнатѣ, во дворѣ и въ огородѣ сдѣлалось тѣсно. Я уже ходилъ въ заводскую школу, гдѣ завелись свои школьные товарищи. Весной мы играли въ бабки и въ шарики, удили рыбу, лѣтомъ ходили за ягодами, позднею осенью катались на конькахъ, когда «вставалъ» нашъ заводскій прудъ; зимой катались на санкахъ,—вообще, каждое время года приносило свои удовольствія. Но все это было не то. Меня тянуло въ лѣсъ, подальше, гдѣ поднимались Зеленныя горы.

— Ну, малецъ, когда мы пойдемъ рыбачить?—пѣскѣлько разъ спрашивалъ меня Николай Матвѣичъ.—Вотъ бы какихъ окуней наловили, а то и щуку...

Мать долго не рѣшалась отпустить меня съ Николаемъ Матвѣичемъ, потому что вода, какъ извѣстно, вещь очень опасная. Долго ли утонуть!.. Но въ одно прекрасное утро разрѣшеніе было получено. Это было еще съ вечера, а поэтому я по-

чти не спалъ всю ночь. Раннимъ лѣтнимъ утромъ Николай Матвѣичъ зашелъ за мной. Онъ былъ въ рваной сермяжкѣ, въ оленьей зимней шапкѣ и весь завѣшанъ собранной на веревкѣ мережкой *)—настоящій Робинзонъ. Мнѣ ужасно хотѣлось спать, а въ горахъ даже лѣтнее утро бываетъ холодное, и надъ водой бродилъ волокнистый туманъ.

— Ничего, солнышко согрѣетъ,—ободрялъ меня Николай Матвѣичъ, зарядивъ на дорогу свой носъ табакомъ.—Жарко еще вотъ какъ будетъ...

Въ нашемъ заводѣ были два пруда—старый и новый. Въ старый прудъ вливались двѣ рѣчки—Шайтанка и Сисимка, а въ новый—Утка и Висима. Эти горныя рѣчки принимали въ себя разные притоки. Самой большой была Утка, на которую мы и отправились. Сначала мы прошли версты три зимникомъ, т.-е. зимней дорогой, потомъ свернули налѣво и пошли прямо лѣсомъ. Да, это былъ настоящий чудный лѣсъ, съ преобладаніемъ сосны. Утромъ здѣсь такъ было хорошо, тишина, смолистый воздухъ, влажная отъ ночной росы трава, въ которой путались ноги.

— Вотъ и Матвѣевъ лугъ,—объяснялъ Николай Матвѣичъ, когда мы вышли изъ лѣсу на широкій мысъ, огибаемый Уткой.—Тутъ и наши окуни.

Матвѣевъ лугъ въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ играетъ большую роль, потому что на немъ мы проводили впоследствии много веселыхъ юныхъ

---

*) На Уралѣ мережкой называютъ тройную сѣть Авторъ.

дней. Купались, ловили рыбу и просто сидѣли около весело горѣвшаго огонька. Для Николая Матвѣича это мѣсто имѣло значеніе, благодаря небольшой заводи, затянутой осокой и разной болотной травой. Въ жаркое время дня рыба входила въ траву и здѣсь отдыхала. Я въ первый разъ видѣлъ, какъ ее ловятъ мережкой. Мережка—тройная сѣть: въ срединѣ мелкая ячейка, а по бокамъ—крупныя петли. Длинной она была сажень двѣнадцать, шириной—полтора аршина. На нижней веревкѣ мережки укрѣплялись продырявленные изъ обожженной глины грузила, кибасья, а на верхней, чтобы сѣть не тонула,—поплавки изъ крученой бересты. Для прочности у Николая Матвѣича мелкая средняя сѣть была сплетена изъ синихъ нитокъ.

— Ну, вотъ мы и дома...—говорилъ старикъ, усаживаясь на берегу отдохнуть.

Я забылъ сказать, что Николай Матвѣичъ былъ въ лаптяхъ, какъ всегда выходилъ рыбачить. Дѣло въ томъ, что въ лаптяхъ вода не держится и не стѣсняетъ движеній.

Отдохнувъ, Николай Матвѣичъ разыскалъ спрятанное въ кустахъ «ботало»,—длинный деревянный шестъ съ желѣзной воронкой на одномъ концѣ, потомъ распустилъ мережку и пошелъ съ ней въ воду обметывать траву. На поверхности оставались одни берестяные поплавки. Когда заводъ была обметана мережкой, онъ началъ ботать, т.-е. пошелъ съ берега въ траву и билъ въ воду боталомъ.

Благодаря желѣзной воронкѣ, получался отъ каждаго удара такой шумъ, отъ котораго рыба должна была бросаться въ мережку. Эта работа продолжалась съ полчася, пока Николай Матвѣичъ не исходилъ всей травы. Глубина была выше пояса, и онъ былъ весь мокрый.

— Эге, есть!..—проговорилъ онъ, когда среднѣ поплавки мережки начали погружаться въ воду.

Онъ свелъ концы мережки вмѣстѣ и потащилъ мережку на берегъ. Издали еще можно было видѣть блестящую, какъ серебряная монета, сорожку (плотва), запутавшуюся въ мелкой сѣти. Но эта добыча не интересовала Николая Матвѣича. Въ крупныхъ ячейкахъ наружныхъ сѣтей запуталось нѣсколько окуней, и отчаянно билась аршинная щука. Это была настоящая рыба, и Николай Матвѣичъ торжествовалъ.

— Вотъ тебѣ и уха изъ окуней, и пирогъ изъ щуки,—говорилъ онъ, умиряя бившуюся щуку.

На моей обязанности было тащить сдѣланную изъ лыка корзинку съ рыбой, что было дѣломъ не легкимъ,—рыбы попало около десяти фунтовъ. Моему восторгу не было границъ, и я жалѣлъ только объ одномъ, что долженъ былъ сидѣть на берегу и не могъ принимать участія въ закидываніи мережки и въ ботаньи. Дальше я помогаль разстилать мережку на травѣ, выбирать изъ нея рѣчную тину и приставшую траву. А когда мережка немного просохла, мы отправились дальше, вверхъ по Уткѣ.

Но дальше повторялось одно и то же, за исключением одного мѣста, гдѣ Утка текла въ суженномъ руслѣ, и мережку можно было перекинуть съ одного берега на другой. Николай Матвѣичъ особенно долго боталъ, загоняя рыбу сверху рѣки и снизу. Вода въ рѣкѣ была свѣтлая, и я все время любовался, какъ въ мережкѣ запутывалась разная рыба. Особенно красивы были окуни съ ихъ красными плавниками и пестрой, темно-зеленой чешуей. Я прыгалъ отъ радости, какъ дикарь.

Все шло отлично; но тутъ случилось нѣчто совершенно не предусмотрѣнное. Изъ дому я не захватилъ ничего съѣстного и теперь испытывалъ муки настоящаго голода. Раньше мнѣ не случалось голодать никогда, и я не подозрѣвалъ, какая это ужасная вещь. А дома чай со сливками, разные вкусныя «постряпеньки», наконецъ, цѣлый обѣдъ... Чтобы утолить голодъ, я пилъ воду, но это не помогало. Вода въ рѣкѣ была теплая и съ какимъ-то травянымъ привкусомъ. Николай Матвѣичъ посматривалъ на меня и загадочно улыбался.

— Ну, что малецъ, не пора ли намъ пообѣдать?—проговорилъ онъ послѣ послѣдней закидки.—Проголодался?

— Очень...

— А у меня отличный поваръ готовить обѣдъ... Ты не знаешь, какъ его зовутъ?

— Нѣтъ...

— Голодъ, малецъ.

Мы усѣлись на опушкѣ лѣса у самаго берега.

Николай Матвѣичъ развелъ огонь и бросилъ въ него нѣсколько картошекъ. А потомъ досталъ изъ берестяного заплечника (особаго устройства коробокъ съ крышкой, который носятъ за плечами) нѣсколько ломтей хлѣба, зеленого лука и завернутую въ тряпочкѣ соль. Я смотрѣлъ на эти приготовленія съ такою же жадностью, съ какой Лыско смотрѣлъ на приносимыя ему кости. Поваръ Николая Матвѣича оказался отличнымъ: я еще никогда и ничего вкуснѣе не ѣдалъ, какъ простой ломоть чернаго хлѣба съ солью и лукомъ. Дальше слѣдовало второе открытіе: ничего на свѣтѣ не было вкуснѣе самаго обыкновеннаго картофеля, испеченнаго въ горячей золѣ. Это уже была настоящая роскошь, пища избранныхъ.

— Ну, а теперь чаю напьемся изъ моего самовара,—говорилъ Николай Матвѣичъ.

Онъ ободралъ лоскутъ бересты съ молодой березки, вырѣзалъ изъ него кругъ, сложилъ одинъ край и защемилъ его въ расщепленную березовую палочку. Получился такъ называемый «чуманъ», т.-е. берестяной ковшикъ. Пить изъ него воду было, конечно, удобнѣе, чѣмъ черпать ее горстями. Робинзонъ оказался великимъ искусникомъ, хотя я и не былъ согласенъ съ его самоваромъ, т.-е. съ рѣкой Уткой.

Возвращеніе домой произвело на меня угнетающее впечатлѣніе, потому что я страшно усталъ и думалъ, что просто умру дорогой отъ усталости. А Николай Матвѣичъ, не торопясь, шагаль своей

развалистой походкой и, поглядывая на меня, улыбался своей загадочной улыбкой. Когда мы дошли до первых избъ, я рѣшилъ про себя, что больше ни за что въ мірѣ не пойду рыбачить... Отъ усталости мнѣ просто хотѣлось сѣсть на землю и заплакать. А Николай Матвѣичъ шагаль себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и мнѣ дѣлалось совѣстно.

V.

На другой день мои мысли совершенно измѣнились, и я мечталъ о томъ, какъ мы опять пойдемъ рыбачить съ Николаемъ Матвѣичемъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ мы исходили съ мережкой всю Утку и Шайтанку съ переменнымъ счастьемъ. Иногда приходилось возвращаться чуть не съ пустыми руками, и можно было наловить гораздо больше удочкой, хотя послѣдняго способа рыбной ловли Николай Матвѣичъ и не признавалъ.

— Какая эта ловля!—возмущался онъ.—Такъ, время убивать напрасно. Ребятъя забава.

Главное удовольствіе было все-таки впереди, именно—охота. Меня долго не отпускали; но потомъ состоялось соглашеніе въ такой формѣ, что я пойду съ Николаемъ Матвѣичемъ, но только безъ ружья, хотя Николай Матвѣичъ и обѣщаль у кого-то достать.

У меня нѣтъ просто словъ, чтобы выразить то волненіе, которое меня охватило, когда мы въ

первый разъ отправились съ Николаемъ Матвѣичемъ на Шульпиху, до которой отъ нашего завода считалось верстъ семь. Онъ шелъ со своимъ ружьемъ и съ заплечникомъ на спинѣ, а я съ кузовкомъ для грибовъ. Третьимъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Лыско, визжавшій отъ радости и выдѣлывавшій чудеса акробатическаго искусства. Утро было превосходное, точно настоящій праздникъ. Дорога на Шульпиху шла сначала старымъ заброшеннымъ просѣкомъ (на Уралѣ говорятъ «просѣкъ», а не просѣка), а потомъ мы свернули влѣво, гдѣ начинались покосы.

— Ужо по островкамъ пошукаемъ (поищемъ),— говорилъ Николай Матвѣичъ, заряжая ружье.— Птица теперь по ягодникамъ кормится...

Стояла вторая половина іюля, и трава уже поспѣла для покоса. Ничего красивѣе нельзя себѣ представить, какъ эти чудные горные луга, усеянные лѣсными островками и по всѣмъ направленіямъ изрѣзанные бойкими горными рѣчками. Отъ травы утромъ поднимался такой ароматъ, что кружилась голова. Какъ только мы вышли изъ завода, нашъ Лыско совсѣмъ пропалъ, такъ что я думалъ, что онъ потерялся.

— Онъ ищетъ...— объяснилъ Николай Матвѣичъ, указывая на колыхавшуюся траву, гдѣ Лыско «нюхтилъ» ему одному извѣстные слѣды.

Главное достоинство промысловой собаки въ томъ, чтобы она «широко ходила», т.-е. далеко обѣгала дорогу, по которой идетъ охотникъ. Нашъ Лыско

появлялся то справа, то слѣва, — высунеть изъ травы свою острую морду, посмотреть, куда мы идемъ, и опять пропалъ.

— Ищи, ищи, — поощрялъ его Николай Матвѣичъ.

Около одного островка послышалось страшное фурканье. Это взлетѣлъ выводокъ поляшей (на Уралѣ косачей называютъ поляшами, а тетерку — полвнюшкой). Николай Матвѣичъ такъ и замеръ, поднявъ руку кверху.

— Видѣлъ? — шопотомъ спрашивалъ онъ меня.

Я ничего не видѣлъ. Лыско гдѣ-то взвизгнуло и нѣсколько разъ отрывисто взлаяло. Мы осторожно пошли по островку, при чемъ Николай Матвѣичъ часто останавливался, зорко вглядываясь въ зеленую чашу смѣшаннаго лѣса. Я не смѣлъ дышать, охваченный первымъ охотничьимъ волненіемъ. Мы зашли въ лѣсъ, и Николай Матвѣичъ остановился. Лыско, вспугнувшій выводокъ, подбѣжалъ къ намъ и тревожно смотрѣлъ вверхъ, напрасно отыскивая притаившуюся дичь. Мы простояли совершенно тихо минутъ десять, какъ послышалось слабое щекотанье.

— Слышишь? — шепнулъ мнѣ Николай Матвѣичъ. — Это матка подзываетъ дѣтей.

Въ отвѣтъ щекотанью послышался съ разныхъ сторонъ пискъ, а на одной березѣ шелохнулась вѣтка.

— Вотъ онъ... — шепнулъ мнѣ Николай Матвѣичъ, показывая на вершину березы. — Смотри на сучокъ справа.

Сколько я ни старался и ни смотрѣлъ, но такъ и не могъ увидѣть затаившуюся птицу, которая сейчасъ была ростомъ чуть не съ курицу. Николай Матвѣичъ прицѣлился изъ ружья и далъ мнѣ «просмотрѣть» птицу по прицѣлу. Я, наконецъ, ее увидѣлъ. Она присѣла къ самому суку, вытянувъ впередъ голову совершенно неподвижно. Только опытный охотничій глазъ могъ рассмотреть ее.

— Ну, теперь видѣлъ, малецъ?

Лыско, слѣдившій за каждымъ движеніемъ хозяина, слабо взвизгнуло, когда Николай Матвѣичъ началъ прицѣливаться. Грянуло выстрѣлъ, и мнѣ показалось, что птица полетѣла съ дерева комомъ раньше выстрѣла. Лыско рванулся, было, къ ней, но былъ прогнанъ съ позоромъ. Я въ первый разъ видѣлъ застрѣленную птицу. Она лежала на травѣ, закрывъ глаза, и слабо вздрагивала крыльями. Это была предсмертная агонія. Около трава была забрызгана яркими пятнами свѣжей крови. Когда я ее взялъ, она показалась мнѣ такой маленькой. Крылья распались, голова безсильно висѣла, мои руки были въ крови. Пока Николай Матвѣичъ заряжалъ ружье, я внимательно разсматривалъ ее и удивлялся, какая она вся чистенькая. Каждое перышко было верхомъ совершенства—не то что на домашней птицѣ. Потомъ отъ нея пахло такъ хорошо, какъ пахнетъ только отъ сейчасъ убитой дичи. Говоря откровенно, я не испытывалъ ни малѣйшаго чувства жалости къ убитому живому существу. Объясняю это отчасти первымъ охот-

ничьимъ пыломъ, а потомъ—присущею дѣтямъ бессознательною жестокостью. Мнѣ хотѣлось, чтобы Николай Матвѣичъ перестрѣлялъ весь выводокъ, что являлось уже совершенно непонятною жадностью. Но намъ удалось «взять» только двѣ штуки, а остальные слетѣли.

— Ну, для начала и этого довольно,—рѣшилъ Николай Матвѣичъ, вскидывая ружье на плечо; онъ такъ носилъ ружье только въ лѣсу, а въ селеніѣ опускалъ его книзу, точно прятать.

Слѣдующимъ номеромъ было утиное гнѣздо, которое Лыско разыскалъ на рѣчкѣ Мартьянѣ; но Николай Матвѣичъ сдѣлалъ промахъ и больше не сталъ стрѣлять.

— Терпѣть не могу эту проклятую птицу,—ворчалъ онъ, заряжая винтовку.—Хлопотъ съ ней не оберешься, да еще полѣзай за ней въ воду. Какъ разъ утонешь. Да и вкусу настоящаго въ дикой уткѣ никакого нѣтъ. Травой да тиной пахнетъ...

Самая лучшая часть охоты началась, когда мы стали подниматься на Шульнику, покрытую свѣтлымъ сосновымъ боромъ. Собственно, настоящей охоты тутъ не могло быть, но Николай Матвѣичъ, очевидно, хотѣлъ показать мнѣ красивое лѣсное мѣстечко. Дѣйствительно, кругомъ все было красиво. Ровныя сосны поднимались желтыми колоннами, подъ ногами—настоящій коверъ изъ опавшей хвои, а вверху какой-то торжественный шопотъ, какъ въ громадномъ храмѣ, гдѣ звуки теряются

подъ высокими сводами. Кое-гдѣ попадались трава и лѣсные цвѣты, а потомъ грибы.

— Какъ птица и рыба, такъ грибы и ягоды разные бываютъ,—объяснилъ Николай Матвѣичъ.— Сухой груздь, рыжикъ, боровикъ—это настоящій грибъ, потому какъ его впрокъ можно готовить... А другіе—ничего не стоятъ. Малина, черника, брусника—тоже сурьезныя ягоды, а вотъ земляника или костяника ужъ совсѣмъ ни къ чему.

На одной опушкѣ Лыско поднялъ зайца и погналъ его съ жалобнымъ визгомъ.

— Ну, братъ, шалишь,—посмѣялся Николай Матвѣичъ.—Косой-то похитрѣ тебя будетъ.

Лыско, дѣйствительно, вернулся черезъ полчаса въ самомъ жалкомъ видѣ: усталый, съ высунутымъ языкомъ и порывистымъ дыханіемъ.

— Поклонъ отъ косога принеся?—шутилъ Николай Матвѣичъ.—То-то, братъ, не за свое ремесло принялся.

Мы сдѣлали привалъ въ серединѣ горы, гдѣ у Николая Матвѣича были спрятаны съ весны надранные лыжи.

— Ужо въ Мартыанъ надо стащить да въ воду спустить,—объяснилъ онъ.—Къ осени успѣютъ вымокнуть... Будетъ и свое лыко, и свое мочало.

Пока мы отдыхали, Лыско исчезъ, и скоро послышался его мѣрный отрывистый лай, точно кто рубилъ топоромъ.

— Бѣлку облаиваетъ,—замѣтилъ Николай Мат-

вѣичъ, поднимаясь.—Она теперь совсѣмъ красная и ничего не стоитъ...

Мы скоро нашли Лыску. Онъ стоялъ передъ громадной сосной и отчаянно заливался. Бѣлку я скоро разыскалъ. Она сидѣла на сучкѣ въ срединѣ сосны и смотрѣла на насъ совершенно спокойно.

— Ишь, ничего не боится,—объяснилъ Николай Матвѣичъ.—Знаетъ, что никому ея сейчасъ не нужно... А вотъ, какъ сдѣлается по снѣгу сърой, тогда забьется въ самую вершину, и не разыщешь ея.

Чтобы потѣшить меня, Николай Матвѣичъ убилъ ее и очень ловко освѣживалъ, т.-е. снялъ шкуру, какъ перчатку. Мясо пошло въ пользу Лыски, накинувшей на него съ жадностью.

VI.

Мнѣ приходится здѣсь сказать нѣсколько словъ объ охотѣ, какъ о жестокомъ удовольствіи, которое особенно порицается въ такомъ воспріимчивомъ возрастѣ, какъ дѣтство. Защищать охоту, конечно, нельзя, и это не требуетъ доказательствъ, хоть и есть защитники, которые увѣряютъ, что только охота развиваетъ въ мальчикахъ настоящее мужество и закаляетъ характеръ. Это одна сторона. Съ другой стороны, въ большинствѣ нашихъ удовольствій, допускаемыхъ и поощряемыхъ самой стро-

гой педагогіей, есть извѣстный элементъ жестокости. Возьмите уженіе рыбы, коллекціонированіе насѣкомыхъ,—даже собираніе гербарія. Не все ли равно, убиваете вы птицу или садите живое насѣкомое на булавку? Въ томъ и въ другомъ случаѣ вы лишаете жизни живое существо...

Лично я смотрю на охоту только какъ на средство быть въ лѣсу. Идти въ лѣсъ такъ, съ голыми руками, не приходится и какъ-то скучно, а охота является прекраснымъ предлогомъ. Про свою раннюю юность въ этомъ отношеніи могу сказать только то, что я слишкомъ много провелъ прекрасныхъ дней въ лѣсу и въ горахъ именно благодаря охотѣ, причемъ синодикъ загубленныхъ птичьихъ жизней не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ. Да и впослѣдствіи я никогда не мѣрялъ охоту количествомъ убитой птицы, какъ завзятые специалисты-охотники, а разныхъ садокъ, гдѣ разстрѣливаютъ выпускаемыхъ изъ клѣтокъ голубей, не могу видѣть и до сихъ поръ.

Первое свое ружье я получилъ, когда мнѣ было уже пятнадцать лѣтъ, и домой я пріѣзжалъ только на каникулы. Первой жертвой моего охотничьяго искусства была несчастная ворона, убитая для пробы ружья. Но убить самому оказалось совсѣмъ другимъ, чѣмъ быть свидѣтелемъ того, какъ убиваютъ другіе. Убитая мной ворона отравила мнѣ нѣсколько дней, какъ совершенно безцѣльная жестокость.

Благодаря собственному ружью, я теперь уже могъ самостоятельно ходить на охоту, а это пред-

ставлялось такимъ удовольствіемъ, равнаго которому нѣтъ. Къ этому времени у меня былъ уже большой другъ, Костя, сынъ заводскаго служащаго, у котораго было тоже свое собственное ружье. Теперь мы дѣлали уже настоящіе походы въ горы втроемъ, главнымъ образомъ, на Осиновую гору, гдѣ у Николай Матвѣича былъ устроенъ собственный балаганъ. Это было счастливое время, о которомъ я и сейчасъ вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ.

Обыкновенно каждая охота въ горахъ занимала два дня. Мы уходили въ горы раннимъ лѣтнимъ утромъ, а возвращались только на другой день, поздно вечеромъ. Дорога на Осиновую гору шла мимо Шульпихи, а потомъ—черезъ знаменитые платиновые промысла, расположенные по теченію рѣки Мартяна. До промысловъ мы успѣвали поохотиться и на Мартянѣ дѣлали охотничій привалъ у кого-нибудь изъ пріисковыхъ знакомыхъ рабочихъ. Мы стрѣляли дупелей и бекасовъ на знаменитой Варламихѣ, которая дала тысячи пудовъ платины, а въ то время представляла собой цвѣтущіе луга. Николай Матвѣичъ не призвалъ охоты на болотную дичь, называлъ ее «шальбой» и былъ увѣренъ, что убить бекаса—навсегда испортить ружье.

Въ то время работа на промыслахъ шла только лѣтомъ, и картина получалась самая оживленная. По берегамъ Мартяна—вездѣ избытки и простыя землянки старателей, вездѣ курятся привѣтливо огоньки, а по выработкамъ и промывкамъ копошатся сотни рабочихъ. Эта работа на открытомъ

воздухъ носить какой-то особенно бодрый характеръ, конечно, въ хорошую погоду. Намъ не разъ случалось и заночевать въ одномъ изъ такихъ балагановъ. Присковые рабочіе, конечно, смотрѣли на насъ, какъ на шалопаевъ, которые отъ нечего дѣлать шлятся по лѣсу, и на этомъ основаніи не упускали случая пошутить.

— Матвѣичъ, ты бы смазалъ ружье-то тараканьимъ мозгомъ,—совѣтуетъ кто-нибудь.—Пользительно, сказываютъ. Тоже вотъ сорочья кровь очень способствуетъ.

Мы отшучивались, какъ умѣли, а Николай Матвѣичъ вообще не любилъ напрасно тратить словъ, особенно по части охоты: не такое это дѣло, чтобы лясы точить...

Съ промысловъ наша дорога шла влѣво, круто забирая въ гору. Это былъ чудный подъемъ. Извилистая горная тропинка шла зеленымъ коридоромъ въ гущѣ березняковъ и осинниковъ. Особенно хороши были послѣдніе съ своими матово-сѣрыми стволами и трепещущей листвою, къ которой точно сыпалась солнечная пыль. По густой, сочной, зеленой травѣ такъ красиво бродятъ жирныя солнечныя расплывающіяся пятна. Пахнетъ горьковатымъ ароматомъ осиновыхъ губокъ, обдаетъ какимъ-то влажнымъ тепломъ; гдѣ-то немолчно долбитъ пестрый дятель, неистово вскрикиваетъ черная роньжа, мелькаетъ шустрая бѣлка. По-моему, нѣтъ красивѣе лѣса, какъ сплошной старый осинникъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ не случалось видать

ничего красивѣе. Дубовыя и липовыя рощи не могутъ идти въ сравненіе. Впрочемъ, можетъ быть, сказывается свой уральскій патріотизмъ или то, что тогда я смотрѣлъ на все молодыми глазами.

Подъемъ вытягивался верстѣ въ пять, и идти съ ружьемъ въ жаркій день—трудъ нелегкій. Въ сплошномъ лѣсу и охота плохая, потому что дичь держится на ягодникахъ, а рано утромъ и вечеромъ держится около лѣсныхъ тропъ и дорожекъ.

Къ балагану Николая Матвѣича на Осиновой мы приходили обыкновенно къ обѣду, часа въ два, въ самый развалъ лѣтняго зноя, и дѣлали уже настоящій привалъ. Балаганъ былъ срубленъ изъ еловаго лѣса и совсѣмъ вросъ въ землю. Сверху онъ былъ покрытъ дерномъ, на которомъ розовой шапкой ростъ Иванъ-чай. Окно не полагалось, а ихъ замѣняла низенькая дверь, вся засыпанная дробью и дырами отъ пуль, какъ мишень. Внутри, въ глубинѣ, помѣщались деревянныя нары, а налѣво отъ двери—сложенный изъ камня дикаря очагъ. Дымъ сначала наполнялъ весь балаганъ, а потомъ уже выходилъ въ дверь и въ продѣланное въ крышѣ отверстіе, замѣнявшее трубу.

Мы снимали разную охотничью сбрую, разводили огонь и принимались готовить охотничій обѣдъ. У Николая Матвѣича хранился для этого желѣзный котелокъ, въ которомъ приготавлилась охотничья похлебка изъ крупъ, картофеля и лука, съ прибавкой, смотря по обстоятельствамъ, очень расчищенного выстрѣломъ рябчика, вяленой сибирской

рыбы поземины или грибовъ. Вкуснѣе такой похлебки, конечно, ничего не было на свѣтѣ; а послѣ нея слѣдовалъ чай съ свѣжими ягодами, тоже не послѣдняя вещь въ охотничьемъ обѣдѣ.

— Ну, теперь поспѣдали, отдохнули и на работу,—говорилъ Николай Матвѣичъ.

Сама по себѣ Осиновая гора не отличалась ни высотой, ни красотой, а походила на громадную ковригу хлѣба. Николай Матвѣичъ предпочиталъ ее всѣмъ другимъ горамя, благодаря своему покосу и зимней охотѣ на оленей. Мы предпочитали уходить на охоту подъ Кирюшкинъ пригорокъ, стоявшій рядомъ. Онъ состоялъ изъ утесистаго шихана (шиханомъ на Уралѣ называютъ скалы на вершинахъ горъ), отъ котораго во всѣ стороны спускались каменные розсыпи. Около этихъ розсыпей почти всегда растетъ малина, и птица любитъ держаться около этой ягоды. Но мы прежде всего забирались на самую вершину шихана, чтобы отсюда досыта налюбоваться широкой горной панорамой. Мы просиживали цѣлые часы, любуясь зеленымъ моремъ родныхъ горъ, исчерченныхъ бойкими горными рѣчками по всѣмъ направленіямъ и только кой-гдѣ тронутымъ человѣческимъ жильемъ. Вдали виднѣлся нашъ родной заводъ Висимъ съ его двумя прудами, ближе пряталась за горой деревушка Захарова, потомъ платиновые промыслы, и только. Въ полѣ нашего зрѣнія находился Черноисточинскій громадный прудъ-озеро, но онъ заслонялся каменной глыбой Бѣлой горы.

Ночь мы проводили въ балаганѣ на Осиновой, а чѣмъ свѣтъ отправлялись на охоту. Въ этихъ случаяхъ Николай Матвѣичъ былъ неумолимъ и не позволялъ нѣжиться. Послѣ цѣлаго дня шатанія съ ружьемъ по горамъ мы возвращались домой къ вечеру, усталые до послѣдней степени, и клялись другъ другу, что это уже въ послѣдній разъ.

— Я и ружье изломаю,—увѣрялъ Костя.

Но усталость проходила въ одну ночь, и мы опять шли въ горы, расширяя поле дѣйствія. Мы пробрались и на Бѣлую гору, гдѣ былъ устроенъ на самой вершинѣ отличный балаганъ; побывали на Сѣдлѣ, на Билимбаихѣ, на Мохнатенькой, на трехъ Шайтанахъ и на Старикѣ-Камнѣ.

VII.

Домой я пріѣзжалъ только лѣтомъ, на каникулы, и почти все время проводилъ въ горахъ. Теперь мы съ Костей уже безъ руководства Николая Матвѣича бродили по горамъ и отлично знали всѣ горныя тропы. Но все-таки, по старой привычкѣ, мы любили поохотиться со старикомъ, который въ лѣсу былъ совсѣмъ другимъ человекомъ, вѣрнѣе сказать, самимъ собой онъ дѣлался только въ лѣсу. Самое главное, что привлекало насъ въ немъ, было необыкновенно развитое «чувство природы». Такое чувство есть, и, къ сожалѣнію, имъ владѣютъ очень немногіе. Николай Матвѣичъ и по лѣсу

ходилъ не такъ, какъ другіе, хотя къ этому и нужно было присмотрѣться. Сейчас онъ идетъ рядомъ съ вами, вы слышите его шаги, а потомъ точно сквозь землю провалился. Это была привычка «скрадывать», т.-е. идти на всякій случай подъ прикрытіемъ. По дорогѣ старикъ всегда приводилъ въ порядокъ буйную горную растительность, тутъ сухарина (сухое дерево) пала и придавила молодую поросль, тамъ снѣгомъ искривило, тамъ скотина подломала. Надо помочь молодымъ расти, а то зря погибнуть. У старика были тысячи знакомыхъ молодыхъ деревьевъ, которымъ онъ спасъ тѣмъ или другимъ образомъ жизнь. Онъ заходилъ навѣстить ихъ, какъ своихъ воспитанниковъ, и торжественно любовался.

— Вѣдь погибла бы,—говорилъ онъ, указывая на какую-нибудь молоденькую рябину.—Снѣгъ выпалъ ранній, мокрый, ну, и пригнулъ ее головой до самой земли, а я стряхнулъ снѣгъ, вотъ она и красуется.

Больше всего старика волновали хищническія порубки на его любимой Осиновой горѣ, которыя дѣлались пріисковыми рабочими съ чисто русской безжалостностью къ дереву. Николай Матвѣичъ въ нѣмомъ отчаяніи смотрѣлъ на свѣжіе пни, валявшіяся вершины и думалъ вслухъ:

— Деревя-то не сумѣли по-настоящему выбрать и срубили его не по-настоящему... Выхватилъ одну середку, а остальное будетъ зря гнить въ лѣсу да другимъ мѣшать. Хотъ бы хворостъ да щепы въ

кучу собрали, а то хламать лѣсъ. Ежели бы дерево умѣло говорить, когда его рубягъ, чѣмъ бы тогда было? Вѣдь, оно не мертвое, а живое...

Еще больше вниманія оказывалъ Николай Матвѣичъ всякой лѣсной живности, которая у него была на счету. Онъ наперечетъ зналъ на своей Осиновой всѣ гнѣзда тетеревовъ, глухарей и рябчиковъ, тетеривиныя и глухарныя тока, всѣ привычки и повадку каждой птицы.

— Зря бьютъ птицу, — возмущался онъ. — Выбываютъ матокъ до Петрова дня, цыплята остаются маленькими, ну, ястреба да лисы ихъ и переѣдятъ. Убей матку, все гнѣздо пропало. Матка-то тебѣ на другой годъ новое гнѣздо выведетъ... Вотъ пѣтухъ, того можно бить послѣ весеннихъ токовъ, потому какъ онъ ни къ чему, а матку не тронь. Божья птичка, у нея на все свой порядокъ. Какъ она весной-то радуется, какъ гнѣздышко въѣтъ, какъ дѣтокъ вываживаетъ, одна красота!.. Только вотъ не скажетъ, что и она жить хочетъ. Не троньте, молъ, меня, не губите напрасно...

Жизнь природы, въ совокупности всѣхъ ея проявленій, въ глазахъ Николая Матвѣича была проникнута неизсякаемой красотой. И любой камень, и каждая травка, и маленькій горный ключикъ, и каждое дерево, все красиво по-своему. Какими красивыми лишайниками точно обтянуты камни въ горахъ? А мхи, папоротники, цвѣты, что можетъ быть красивѣе? Перемѣны погоды по временамъ года не хороши только въ селеніи, а въ лѣсу все

и хорошо, и красиво, и полезно. И дождь, и снѣгъ, и солнце, и вѣтеръ, и холодъ, все работаетъ свою указанную работу. Осеннія ночи и осенніе ливни не хороши только въ селеніяхъ, а въ лѣсу и въ нихъ есть своя прелесть, и своя глубокая поэзія. Но больше всего Николай Матвѣичъ любилъ суровую сѣверную зиму, когда вся природа засыпала въ такомъ красиво-торжественномъ покоѣ. Кажется, все замерло, погибло, исчезло, а между тѣмъ гдѣ-то тамъ, подъ саженымъ слоемъ снѣга, таится и теплится жизнь, которая проснется съ первымъ весеннимъ лучомъ солнца. Горная текучая вода, разносившая кругомъ жизнь и движеніе, приводила Николая Матвѣича въ какое-то сладостное умиленіе.

— Это уже вѣковѣчная работница, — объяснялъ онъ. — Она и палый осенній листъ стащитъ, и корешки у травки обмоетъ, и песокъ снесетъ внизъ, и зернышки разсадитъ... Вѣдь и травка ходитъ: то вода снесетъ, то вѣтромъ перекинетъ зернышко.

Въ горахъ встрѣчается много бродячихъ растений, которыя точно сознательно идутъ въ извѣстномъ направленіи, дѣлая по дорогѣ остановки для отдыха. Конечно, для такихъ передвиженій нужны десятки и сотни лѣтъ.

Но были нѣкоторые пункты, которыхъ Николай Матвѣичъ никакъ не могъ понять. Разъ мы пришли къ балагану на Осиновой, и старикъ молча указалъ на разросшіеся около него репейники, чертополохъ, крапиву и лебеду.

— О!—проговорилъ онъ, улыбаясь.

Мы ничего не понимаемъ.

— Это все дармоѣды...—объяснилъ онъ.—Въ горахъ нигдѣ не встрѣтишь ни чертополоха, ни репья, ни кропивы, а эти дармоѣды идутъ за чело-вѣкомъ. Все равно, какъ клопы или тараканы... Вѣдь сюда ихъ никто не тащитъ, а я же ихъ какъ-нибудь принесъ съ собой въ заплечникъ. И для чего они только растутъ? Все равно, какъ помру, балаганъ завалится, и они перемрутъ всѣ до единого. Задушить настоящая лѣсная трава... Вѣдь, вотъ тоже и воробья не встрѣтишь въ лѣсу, галки, голубя. Нашъ домашній голубь и на дерево-то не умѣегъ садиться, потому у него лапки иначе устроены.

— А вяхирь?

— Ну, это ужъ лѣсной голубь, совсѣмъ другое.

Сидя по вечерамъ у огонька, о чемъ, о чемъ мы ни переговорили. Николай Матвѣичъ рассказывалъ мастерски, какъ никто, и все, что онъ ни говорилъ, было передумано и перечувствовано. Каждое слово являлось полновѣснымъ зерномъ, какъ у всѣхъ серьезныхъ и вдумчивыхъ людей, которые умѣютъ найти глубокий смыслъ въ самомъ обыденномъ явленіи и открыть его тамъ, гдѣ другіе ничего не видятъ. Это особый даръ, даръ избранниковъ...

Дѣти по натурѣ—эгоисты. Мысль только о себѣ составляетъ долго все содержаніе внутренней дѣтской жизни, и другіе люди имѣютъ постольку значенія, поскольку они соотвѣтствуютъ удовлетворенію этого чувства. Такой эгоизмъ проходитъ и че-

резъ всю юность, какъ, вѣроятно, эгоистично прорастаетъ въ родной почвѣ каждое зерно. Такими же эгоистами были и мы съ Костей. Отлично помню, что мнѣ не приходила въ голову самая простая мысль, хорошо ли живется и какъ живется старику съ его неотступной дьячковской нуждой. Достаточно сказать одно, что жалованья онъ получалъ всего три рубля въ мѣсяцъ, готовую квартиру, свѣчи и, кажется, по пуду муки на каждого члена семьи. А, вѣдь, нужно одѣться, это одно чего стоило. Приходъ былъ маленький и бѣдный, и едва ли на долю Николая Матвѣича доставалось отъ церковныхъ доходовъ рублей пятьдесятъ-шестьдесятъ въ годъ. И человекъ ухитрялся прожить всю жизнь и поднять на ноги всѣхъ дѣтей. Николаю Матвѣичу предлагали дьяконское мѣсто, но онъ наотрѣзъ отказался.

— А матерешка умереть?—коротко объяснилъ онъ.—Дьякону во второй разъ жениться нельзя...

Конечно, это была шутка, какъ любилъ выражаться старикъ. Дѣло было не въ материкѣ, а въ томъ, что Николай Матвѣичъ не въ силахъ былъ разстаться съ своими возлюбленными зелеными горами и охотой,—дьяконъ не имѣлъ права ходишь на охоту, потому что она соединена съ пролитіемъ крови. Николай Матвѣичъ такъ и остался еѣчнымъ дьячкомъ.

Какимъ образомъ могла прожить такая семья на такія ничтожныя средства, тѣмъ болѣе, что были привычки дорогія, какъ чай? Отвѣтъ самый про-

стой: все было свое. Огородъ давалъ все необходимыя въ хозяйствѣ овощи, корова—молоко, куры—яйца, а дрова и сѣно Николай Матвѣичъ заготовлялъ самъ. Не малую статью въ этомъ хозяйственномъ обиходѣ представляли охота и рыбная ловля. Большимъ мѣстомъ являлась одежда, а сапоги служили вѣчнымъ неразрѣшимымъ вопросомъ.

VIII.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ я уѣзжалъ учиться въ Петербургъ и передъ отъѣздомъ зашелъ проститься съ Николаемъ Матвѣичемъ. Это было въ началѣ осени. У Николая Матвѣича сидѣлъ въ гостяхъ его другъ, Емелька. Старики показались мнѣ какъ-то особенно грустными. Дѣло скоро разъяснилось. Емелька взялъ стоявшее въ углу пистонное ружье и, взвѣсивая на рукѣ, проговорилъ:

— Веселенькая штучка!.. Стволъ нарѣзной, а вмѣсто кремня—свистоны. Значить, осѣчкамъ шабашъ, не какъ у нашихъ кремневокъ!..

— Ничего не выйдетъ, — сказалъ Николай Матвѣичъ съ необычнымъ для него азартомъ. — Изъ нарѣзного-то ствола ты и стрѣлай одной пулей, а дробь разнесетъ!..

— Да, вѣдь, я не за рябчиками пойду съ нимъ? — сказалъ Емелька, тоже ожесточаясь. — Вѣдь, какъ оно пулю далеко несетъ и какъ сильно бьетъ!.. А

первое дѣло: свистонѣ. Надѣлѣ, чикѣ! и готово...

— У тебя это въ башкѣ чикаетъ! — ругался Николай Матвѣичъ. — Развѣ это ружье? Мѣшалка какая-то, квашню мѣшать... Да я его и въ руки не возьму, только какъ разъ испортишь...

Споръ о достоинствахъ кремневыхъ и пистонныхъ ружей велся нѣсколько лѣтъ, и каждая сторона оставалась при особомъ мнѣніи. Николай Матвѣичъ крѣпко стоялъ на своемъ, отчаянно защищая свою кремневку, прослужившую ему вѣрой и правдой всю жизнь. На наши пистонныя ружья онъ смотрѣлъ всегда, какъ на дѣтскія игрушки, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ нельзя было стрѣлять пулей.

Я такъ и уѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ споръ нерѣшеннымъ. Въ Петербургѣ мнѣ пришлось прожить безвыѣздно лѣтъ пять, и въ это время Николай Матвѣичъ умеръ. Изъ письма Кости я узналъ, что событія шли въ такомъ порядкѣ. Сначала умерла «матерешка». Оказалось, что старикъ очень ее любилъ, несмотря на видимую грубость обращенія. Когда она лежала въ гробу, онъ украсилъ его живыми цвѣтами, что поразило всѣхъ. Простой дьячокъ, и такія нѣжности... Старикъ сильно тосковалъ, потерявъ скромную подругу своей многотрудной жизни. Вѣроятно, Емелька воспользовался этимъ моментомъ и убѣдилъ его, наконецъ, въ преимуществахъ пистоннаго ружья. Но тутъ и случилась настоящая бѣда. Николай Матвѣичъ «промазалъ» по оленю... Отъ огорченія или отъ простуды онъ слегъ и больше не вставалъ.

Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ его смерти я былъ въ послѣдній разъ на родныхъ зеленыхъ горахъ; я опять видѣлъ Шульпиху, Осиновую, Кирюшкинъ пригорокъ, Бѣлую, Сѣдло, Билимбаиху, трехъ Шайтановъ и Старикъ-Камень. Я объѣхалъ верхомъ эти глубоко родныя горы и часто вспоминалъ покойнаго Николая Матвѣича. Мнѣ иногда казалось, что между деревьями мелькаетъ его крадущаяся тѣнь... И Кости тоже уже не было на свѣтѣ. Бѣдняга умеръ въ самомъ расцвѣтѣ силъ, простудившись на пріисковой развѣдкѣ. Родныя мѣста вызвали цѣлый рядъ другихъ дорогихъ тѣней; но съ милыми зелеными горами неразрывно связывалась тѣнь одного Николая Матвѣича, какъ съ домомъ—тѣнь его бывшаго хозяина. Да, это былъ настоящій хозяинъ, а зеленныя горы служили ему домомъ...

Горькій опытъ жизни научилъ понимать многое, что было недоступно раньше. Только теперь я понималъ, почему мой отецъ называлъ Николая Матвѣича философомъ. Прежде всего, это былъ созерцатель, жившій широкой жизнью всей природы. Она наполняла его существованіе, заслоняя все остальные интересы, до дьячковской нищеты включительно. Какъ я отлично теперь понималъ Николай Матвѣича, когда онъ въ трудныя минуты жизни смотрѣлъ изъ своего окошечка на родныя зеленныя горы. Дома онъ былъ только такъ, временнымъ гостемъ, какъ всякій изъ насъ. Припомнилась мнѣ

и одна характерная сцена, происходившая у палаустаного (въ два ската) балагана Емельки на платиновых промыслахъ.

Мы запоздали и рѣшили заночевать у Емельки. Спускался темный іюльскій вечеръ, и брести десять верстъ домой не представляло ничего заманчиваго, а передъ балаганомъ такъ привѣтливо курился веселый огонекъ, манившій отдохнуть.

— Куды вамъ торопиться?—приглашалъ Емелька.—А утромъ подъ Шульпихой еще, пожалуй, глухаря убьете...

— Глухаря не глухаря, а рябчиковъ найдемъ,—соглашался Николай Матвѣичъ.

— Конечно, останемся,—уговаривалъ я, прельщенный перспективой уснуть именно въ палаустаномъ балаганѣ, гдѣ дуло со всѣхъ сторонъ, какъ въ форточкѣ.

Мы поѣли какой-то горячей похлебки, и я прилегъ въ балаганѣ, пока согрѣется чайникъ съ водой, прилегъ и сейчасъ же, конечно, заснулъ мертвымъ сномъ. Вѣроятно, я такъ проспалъ бы до самаго утра, если бы меня не разбудилъ страшный холодъ. Мои зубы выбивали лихорадочную дробь. Къ счастью, въ чайникѣ была горячая вода, и я могъ согрѣться.

— Ничего ты не понимаешь, Емелька...—говорилъ Николай Матвѣичъ, продолжая какой-то безконечный споръ.

— Очень даже могу понимать: одно—богатый, другое—голь перекатная. Вполнѣ понимаю.

— Хорошо. Возьмемъ богатаго... Что онъ, по твоему, два обѣда съѣсть или двѣ шубы на себя надѣнетъ? Ты раскинь дозгами-то, умная голова...

— Два обѣда зачѣмъ ѣсть, а вотъ избу новую поставить, лошадь хорошую завести, шубу справить... Небойсь, все бы тогда вотъ какъ Емелькѣ кланялись.

— Дураки бы кланялись... Зачѣмъ я буду кланяться, когда онъ такой же человѣкъ да еще, можетъ, и похуже меня? А потомъ помретъ, съ собой ничего не возьметъ... Бѣдному и помирать легче. Ты бы выстроилъ одну избу,—подавай другую, купилъ одну лошадь,—надо другую, купилъ шубу,—куплю другую... Сталъ бы завидовать другимъ, которые богаче тебя, и послѣдняго бы уа лишился. Да еще самъ сталъ бы обижать бѣднаго-то человѣка... Ну-ка, подумай?

Емелька только чесалъ въ затылкѣ. И новая изба, и лошадь, и шуба остались неисполнимой мечтой...

Въ Николаѣ Матвѣичѣ именно, не было той зависти, которая разѣдаетъ жизнь другихъ людей. Онъ никогда не завидовалъ никому,—по крайней мѣрѣ, я не слыхалъ ничего подобнаго. А это великое дѣло, когда человѣкъ утвуетъ свою жизнь полной,—онъ истинно счастливъ...

Можетъ быть, я идеализирую своего стараго друга, можетъ быть, я не зналъ другихъ сторонъ его жизни, но это уже общій удѣлъ всѣхъ воспоминаній дѣтства... Лично я вспоминаю о Николаѣ Матвѣичѣ съ чувствомъ глубокой благодарности.

6

Робинзонъ Крузо. Переработано Е. Н. Тихомировой.
Терпѣные и трудъ все перестругъ. Первый сборникъ для внѣкласснаго
коллективнаго чтенія. Составила Е. Н. Тихомирова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1918 Г. НА ЖУРНАЛЫ:

„ЮНАЯ РОССИЯ“.

Ежемесячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

Пятидесятый годъ изданія.

12 книжекъ научно-популярнаго и литературнаго журнала, въ со-
ставъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки;
б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) попу-
лярно-научныя статьи; д) снимки съ картинъ и портретовъ за-
мѣчательныхъ людей;

6 книжекъ приложений.

Подписная цѣна: на годъ 15 р., на полгода 8 р., на три
мѣсяца 5 р.; отдѣльный номеръ 1 р. 50 к. съ пересылк.

„Педагогическій Листокъ“,

журналъ для учителей и воспитателей.

Пятидесятый годъ изданія.

8 книжекъ въ годъ.

Журналъ слѣдитъ за развитіемъ прогрессивно-педагоги-
ческой мысли и рациональныхъ методовъ преподаванія,
главное же вниманіе въ настоящее время удѣляетъ во-
просамъ о созданіи новой народной школы, соотвѣтствен-
ной новому общественному строю жизни и вопросамъ
объ организаціи русскаго учительства.

Подписная цѣна на годъ 6 руб., на полгода 3 руб.,
отдѣльный номеръ 80 к. съ пересылкою.

Редакторъ-издательница Е. Н. Тихомирова.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Каталогъ книгоиздательства

Е. Н. Тихомировой высылается бесплатно.

32 200

Книгоиздательство Е. Н. Тихомировой.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Книжные склады книгоиздательства:

1. Москва, Б. Молчановка, д. № 18.
2. Москва, Воздвиженка, д. № 4. Книжный складъ Т-ва
„КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“.

Представительство по продажѣ изданій Е. Н. Тихомировой кооперативнымъ объединеніемъ всей Россіи предоставлено Т-ву „Кооперативное издательство“ (Москва, Воздвиженка, д. № 4.)